

В.И. Сахаров

Береги честь смолоду («Белая гвардия»)

Путь Булгакова-сатирика, само его движение от газетных фельетонов к «Роковым яйцам» и «Собачьему сердцу» говорят, помимо всего прочего, о растущей неудовлетворенности лестной репутацией знаменитого юмориста 1920-х. Новонайденный дневник тех лет подтверждает: писатель относился к себе и своим ранним произведениям с суровой требовательностью, все время сравнивал, оценивал, подводил предварительные итоги.

Не в том даже дело, что фельетоны и юмористические рассказы мешали начатому роману «Белая гвардия»: «“Гудок”» изводит, не дает писать». Сама действительность требовала серьезности и глубины, спокойного размышления, необходим стал выбор пути. В дневнике Булгакова 6 ноября 1923 года появилась запись: «Теперь я полон размышления и ясно как-то стал понимать — нужно мне бросить смеяться». Смеяться он, слава Богу, не перестал, хотя сам смысл и интонация булгаковского смеха разительно изменились в считанные годы. Но ясно, что сразу сказать обо всех мучивших его серьезных вопросах писатель мог лишь в художественном пространстве романа, где встречаются эпос и лирика, история и драма, сатира и трагедия. И такой роман мог быть только историческим.

Мировая литература знает замечательные примеры обращения писателей к эпохе гражданской войны. Не собираясь тревожить великие тени Данте, Шекспира и Мильтона, вспомним знаменитый роман американки Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» о войне Севера и Юга или великолепную книгу «Леопард», написанную итальянским князем Томази ди Лампедузой о семье его сицилийских предков во времена революции Гарибальди. Всегда в таких книгах есть историческая ностальгия, элегическое воспоминание о невозвратном великом прошлом, былой высочайшей культуре, об ушедших людях, которые «богатые — не вы». Неизбежно критическое сопоставление прошлого с настоящим, всегда для последнего не выгодное. Но иначе умом настоящее не понять.

Ибо из трезвого сравнения неизбежно извлекается исторический урок, становится ясно значение великого переворота в судьбах страны, ее народа и культуры, принявшего традиционную форму междоусобных битв и кровавого повседневного насилия, уничтожения целых классов и сословий. Выявляется и крепнет в испытаниях человек. Приоткрывается грядущее, тоже далекое от светлой идиллии. Сами события настолько масштабны, притягательны и красочны, характеры в их развитии так увлекают, что книги Митчелл и Лампедузы стали бестселлерами, переведены на многие языки, по ним сняты самые знаменитые фильмы XX века.

«Белой гвардии» повезло меньше, она заслонена «Мастером и Маргаритой», тоже не завершена, но ее у нас знают, читают и любят. И постепенно смысл книги становится ясен. Когда роман дошел до Парижа, критик Г. Адамович написал о Булгакове: «С высот, откуда ему открывается вся “панорама” человеческой жизни, он смотрит на нас с сухой и довольно грустной усмешкой. Несомненно, эти высоты настолько значительны, что на них сливаются для глаза красное и белое — во всяком случае, эти различия теряют свое значение».

Да, и здесь все дело в высоте писательского взгляда, в том, как эта высота достигнута. В «Белой гвардии» нет ни позиции «над схваткой», ни апологии белого движения, ни радостного принятия большевиков и их «нового» устройства жизни, ни самозабвенного любования идеализированным прошлым, ни надежд на реставрацию прежней, царской России. Далек писатель и от холодного, несколько брезгливого набоковского отчаяния.

Хотя это отличный роман для семейного чтения, книгу Булгакова нельзя отнести к «легкому» жанру. У ее автора имеется самобытная философия русской истории, и ныне делающая «Белую гвардию» живой и увлекательной.

Не случаен выбор героического Най-Турса, рыцаря чести, чья благородная фигура по авторской мысли — урок и укор: «Най-Турс — образ отдаленный, отвлеченный. Идеал русского офицерства. Каким бы должен был быть в моем представлении русский офицер». С образом белого рыцаря, умирающего за безнадежное, проигранное дело, приходит в роман тема чести. Ведь погибла на глазах у Булгакова не просто родина, канула в небытие великая империя, служить которой всегда было делом долга и чести русской интеллигенции. Философ Сергей Булгаков в книге «На пиру богов» описал эту гибель:

«Была могучая держава, нужная друзьям, страшная недругам, а теперь — это гниющая падаль, от которой отваливается кусок за куском на радость слетевшемуся воронью. На месте шестой части света оказалась зловонная, зияющая дыра...»

Но Михаила Булгакова привлекла в книге «На пиру богов» другая мысль:

«От того, как самоопределится интеллигенция, зависит во многом, чем станет Россия».

Ответ на этот вопрос искал не только Михаил Булгаков. Навряд ли он читал манифест эмигрантского философа Ивана Ильина «За национальную Россию», где имеются дословные совпадения с «Белой гвардией» и «Днями Турбиных»:

«Всю свою историю Россия провела в том, что строилась на пепелище. И то пепелище, которое останется нам в наследство от большевиков, будет не страшнее тех пепелищ, которые оставались нам от татар или от Смуты. Страшнее, опаснее будет то духовное пепелище, которое мы унаследуем после их крушения... Возродить Россию может только новая идея: ее могут воссоздать только обновленные души. Нет больше былой России. Нет ее и не будет. Будет новая Россия. По-прежнему Россия, но не прежняя».

Совсем как булгаковский Мышлаевский: «Прежней не будет, новая будет...».

Но это тоже сказано в пьесе «Дни Турбиных». Совпадают слова и мысли, ибо тема одна — судьба послереволюционной России, ее культуры и интеллигенции.

Но вот в «Белой гвардии» таких прямолинейных деклараций нет и быть не могло. Ибо роман — не трибуна, не философский трактат и не политическая статья журнального публициста. Автор выбирает эпоху, героев, создает для их действий сцену жизни. То, как он это делает, и содержит в себе авторскую мысль, художественную оценку персонажей и исторической эпохи. Это не значит, конечно, что Булгаков в «Белой гвардии» молчит, скрывает свои мысли и чувства. Напротив, роман о Турбиных тонет в чисто гоголевских авторских отступлениях, проникнут силой живых чувств, подлинной лирикой.

О ком и о чем же этот роман Булгакова написан? О судьбе Булгаковых и Турбиных, о гражданской войне в России? Да, конечно, но это далеко не все. Ведь такую книгу можно написать с самых разных позиций, даже с позиций одного из ее героев, подтверждение чему — бесчисленные романы тех лет о революции и гражданской войне. С чьей же точки зрения написана «Белая гвардия»?

Сам автор «Белой гвардии», как известно, долгом своим считал «упорное изображение русской интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях «Войны и мира».

Суждение о «лучшем слое» на первый взгляд высокомерно, однако само слово «слой» свидетельствует, что речь здесь идет именно о малой части народа, на создание и воспитание которой этот самый народ, нищий и вечно угнетаемый, потратил столько веков, сил, средств и жизней. А сам Булгаков на допросе в ОГПУ сказал: «Я остро интересуюсь бытом интеллигенции русской, люблю ее, считаю хотя и слабым, но очень важным слоем в стране. Судьбы ее мне близки, переживания дороги». Но в своем романе, из-за которого и попал на допрос, взглянул на этот слабый, одержимый хронической

кружковой истерией и политической куриной слепотой «слой» трезво, как правдивый художник школы Толстого.

«Лучший слой» — вовсе не значит, что он лучше всех, соль земли, может высокомерно третировать тех, кто «внизу», на чьих плечах эта культура воздвигнута. В «Белой гвардии» автор вполне самокритично говорит о трагедии и исторической слепоте русской интеллигенции, многое в ней осуждает и развенчивает, и прежде всего — ее мифологическое, необременительное народолюбие, когда весь народ как понятие отвлеченное обожают, а каждого его конкретного представителя считают хамом и вором. Упреком образованному сословию звучит недавно найденная запись Булгакова: «Мучительно думать, что в стране, давшей Пушкина и Гоголя, существуют десятки миллионов людей, никогда не слышавших о них».

Об этом свидетельствует и упоминание о Толстом, его традициях. Но речь идет не о героике «Войны и мира», хотя она в «Белой гвардии» есть, пусть изменившаяся и переосмысленная. Толстой привлек Булгакова как сатирик, великий разоблачитель, критик «недолжной жизни» образованных сословий, которая развенчивается в его эпосе с помощью «мысли народной», на фоне великих исторических перемен 1812 года. Потому-то имя автора «Войны и мира» сразу вспомнил Г. Адамович, говоря о романе Булгакова: «В первой сцене, где усталые, сбитые с толку офицеры вместе с Еленой Турбиной устраивают попойку, в этой сцене, где действующие лица не то что осмеяны, но как-то изнутри разоблачены, где человеческое ничтожество заслоняет все другие человеческие свойства, обесценивает достоинства или качества, — сразу чувствуется Толстой».

В «Белой гвардии» показана интеллигенция, по собственной вине очутившаяся в историческом тупике, вольно или невольно способствовавшая разрушению государства и культуры (здесь особенно неприглядна роль «гастролировавших» в Киеве левых эсеров, команды профессиональных убийц и провокаторов). В мемуарах гетмана Скоропадского сказано ясно: «Великорусские интеллигентные круги были одним из главных факторов моего свержения». Этого ряженого гвардейского Мазепу и его опереточную «державу» не жалко, но сколько же погибло людей честных, простодушных, обманутых... Этим и обусловлена булгаковская критика и сатира.

И в то же время автор романа на личном опыте, на примере своих близких убедился, что на русскую интеллигенцию обрушился рассчитанный страшный удар. Причем ряды ее быстро редели от белого и красного террора, гражданской войны, голода и болезней, вынужденной массовой эмиграции. Такой ненависти к национальной культуре, унижения и угнетения людей культуры наша история не знала. Смятая большим террором, опутанная большой ложью, испугавшаяся реального народа, раздерганная на части «партиями» и «националистами», интеллигенция утратила веру. А это великий грех. Опять возникает вечный русский вопрос: «Что делать?» Унести Родину, ее историю и культуру с собой в эмиграцию невозможно, эта иллюзия разоблачена в булгаковской пьесе «Бег».

В «Белой гвардии» Булгаков вовсе не собирался отвечать на него. Не такова задача художника. Он только его задал, правильно поставил. Вполне в духе толстовской традиции автор романа показал русской интеллигенции, какова она на самом деле, каков реальный итог столь трагически завершившегося этапа ее судьбы. Сохранить себя как самостоятельную культурную силу она могла, лишь оставшись со своим несчастным, ослепленным народом, помогая ему устоять по мере слабых сил, храня лучшие достижения русской культуры. Понимать эту булгаковскую мысль в духе примитивного «сменовеховства», как призыв к безоговорочному сотрудничеству с вечно подозрительной, коварной, жестокой к людям культуры советской властью — полнейшая глупость.

Ибо Булгаков после взятия Киева большевиками быстро убедился, что волна продуманного красного террора превосходила все неорганизованные погромы петлюровцев.

Ему с семьей пришлось скрываться в пригородах Киева, ибо брались заложниками на страшные днепровские баржи и уничтожались в подвалах ЧК ежедневно сотнями именно представители образованных сословий. Потому-то Булгаков добровольно надел погоны военврача и ушел осенью 1919 из города с обреченными белогвардейцами. Те хоть не ставили врачей к стенке как заведомых «буржуев».

Когда неразумные петлюровцы, догадавшись наконец хоть на время объединиться с белыми войсками, выбили красных из Киева, писатель Иван Солоневич в числе других очевидцев ознакомился с результатами этого террора: «В Киеве, на Садовой, 5, после ухода большевиков я видел человеческие головы, простреленные из нагана на близком расстоянии». Знакомый «почерк»...

Об этих расстрелах знали все киевляне, им посвящен страшный пророческий сон Алексея Турбина в недавно найденном журнальном варианте «Белой гвардии»: «Но Турбин уже чувствует, что пришла чрезвычайная комиссия по его, турбинскую, душу... Идут! Чекисты идут! И начинает Турбин отступать и чувствует, что подлый страх заползает к нему в душу. Что ж!.. Страшна ревность, страшна неразделенная любовь и измена, но Че-ка страшнее всего на свете». В этом отброшенном тексте ясно показано, что простодушных Турбиных окружали беспощадные оборотни, скользкие люди без лиц с двойной биографией и двойной моралью. В ночном кошмаре видит Алексей среди пришедших за ним чекистов бывшего гетманского офицера Шполянского и убитого им петлюровца в серой папаше: «Ведь они же враги?.. Неужели же теперь они соединились? О, если так, Турбин пропал!.. Все мешается. В кольце событий, сменяющих друг друга, одно ясно — Турбин всегда при пиковом интересе, Турбин всегда и всем враг».

Кольцо вокруг русской интеллигенции сжималось. Потом П. Керженцев писал в доносительном отзыве о булгаковской пьесе «Бег»: «Автор сознательно обобщил в образе Голубкова все черты нашей интеллигенции, какой она ему кажется: чистая, кристальная в своей порядочности, светлая духом, но крайне оторванная от жизни и беспомощная в борьбе». Но ведь и кроткий, очутившийся в эмиграции чудак Голубков менялся, как и Турбины, история медленно открывала интеллигенции глаза.

Булгаков осмыслил этот опыт и написал исторический роман, где показал, что трагический тупик на самом деле является очередным перекрестком судьбы и что русской интеллигенции, расставшись со старыми мечтаниями, надо избежать как мрачного отчаяния, так и увлечения новыми «левыми» иллюзиями, созданием очередной прекраснотушной мифологии о светлом мире социальной справедливости, восставшем народе, победе демократии, пролетарской культуре, «театральном Октябре» и т. п. У Булгакова таких заблуждений не осталось, в новонайденной рукописи «Белой гвардии» сказано о случившемся ясно: «Надвигается новое, совершенно неизведанное страшное... Просто даже если в окна посмотреть, сразу чувствуется, что ничего уже не будет...» Время повернулось, железный занавес захлопнулся, назад пути не было.

Герои «Белой гвардии» самой историей подведены к таким выводам и к выбору, ибо им, как и всей оставшейся в стране интеллигенции, надо жить дальше. Интеллигенция идею Булгакова поняла и приняла, хотя, понятно, не вся и не сразу, и ответила зрительским успехом «Дней Турбиных», оценила писательские дело автора пьесы как подвиг.

Поэтому «Белая гвардия», оставаясь замечательным романом, сохраняет значение уникального исторического документа. Все по-толстовски проникнуто неравнодушной авторской мыслью, свободно высказывающейся в лирических отступлениях; русская история увидана и показана творчески, в водовороте беспощадной усобицы, открывающем ее смысл и назначение. Понятный трагизм соединяется с верой в человека и жизнь. Да, это новый «Вишневый сад» и вместе с тем новая «Капитанская дочка», этапная книга, запечатлевшая душу русской усобицы глазами прозревшей интеллигенции. «Белая гвардия» Михаила Булгакова — предостережение интеллигенции, не потерявшее своего смысла и назначения в наши тревожные дни.

Восстановим канву стремительно развивавшихся исторических событий, описанных в «Белой гвардии». Молодая Советская Россия, терзаемая интервенцией, разгорающейся гражданской войной и не имевшая еще регулярной армии, заключила 3 марта 1918 года кабальный Брестский договор с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Этот-то «мирный» договор привел к страшной усобице и решил судьбу героев «Белой гвардии». Ибо одним из условий соглашения было наше вынужденное признание оккупированной немцами и австрийцами Украины независимым государством. Советское правительство заключило с главой этого государства, гетманом П. Скоропадским мирный договор.

Сбылись самые смелые мечты лукавого гетмана-изменника Мазепы, чье имя совсем не случайно упомянуто в романе Булгакова. Малороссийские губернии рухнувшей империи вдруг стали желанной «заграницей», и туда бросились беженцы со всей России. Их социальный состав описан в «Белой гвардии» с исчерпывающей полнотой.

Вот воспоминания первой жены Булгакова о Киеве при немцах: «Порядок был идеальный. И тишина. Все было чинно-мирно. Продукты были любые. И публика ходила такая шикарная... шляпы... При немцах дамы шикарные ходили... Летом рестораны, кафе много было... знаете, так на улице под брезентовыми зонтами. Мы и в театр ходили, Вертинский приезжал, нашли какое-то польское кафе — там очень вкусные пончики были».

Сюда же стоит добавить свидетельство другого очевидца, левоэсеровского боевика и писателя Виктора Шкловского, весьма активно действовавшего тогда в Киеве и послужившего прототипом для демонического архангела «левой» авантюры Михаила Семеновича Шполянского. Вот что он пишет в созданной и изданной в берлинской эмиграции книге «Сентиментальное путешествие» (1923), которую Булгаков внимательно читал и использовал в работе над романом: «Киев был полон людей. Буржуазия и интеллигенция России зимовала в нем. Нигде я не видел такого количества офицеров, как в нем... Город был русский, украинцев не видно было совсем».

Вот почему осторожные немцы не позволили прийти к власти в Киеве украинским националистам («людям в шароварах» из «Белой гвардии») и их правительству — Центральной раде и создали 29 апреля 1918 марионеточную «Украинскую державу» во главе с гетманом П. Скоропадским. Ее признало Советское правительство и посадило в Киеве своего посла. Гетманское «самостийное государство» было подчеркнуто украинизированным и пронемецким, но опиралось в основном на добровольческие дружины русских офицеров и юнкеров, тайно поддерживало отношения с Деникиным и Антантой. В одном только Киеве, по свидетельству гетмана, у него было более 15000 офицеров.

Поражение Германии в мировой войне, своя «домашняя» революция (ее устраивал в Берлине будущий враг Булгакова Карл Радек), развал кайзеровской армии и рост народного сопротивления оккупантам произвели в сложных политических маневрах необходимые жесткие коррективы: 13 ноября Советское правительство разорвало Брестский мир. Немцы были цинично обмануты, к тому же на них умело натравили селян. На следующий день спохватившиеся петлюровцы подняли восстание. Опереточный гетман и его марионеточная «держжава» стали в «большой политике» не нужны. «Железные» немцы вынуждены были уступить силе исторических обстоятельств и ушли, заключив, однако, с окрепшими петлюровцами тайное соглашение о передаче им власти в Киеве. Это была еще одна стратегическая ошибка. И здесь немцы находились в глубоком заблуждении.

Среди петлюровцев были свои красные шполянские. Интересная деталь: когда в феврале 1929 украинские писатели на встрече со Сталиным стали критиковать пьесу Булгакова «Дни Турбиных», они неожиданно обвинили автора... в клевете на петлюровское движение и заявили прямо: «Это было революционное восстание масс, прохо-

дившее не под руководством Петлюры, а под большевистским руководством». Это больше похоже на реальную правду истории.

14 декабря обреченный режим гетмана пал, и в город вошли многочисленные, хорошо оснащенные войска Украинской директории, была восстановлена буржуазно-националистическая Украинская народная республика. Пышный театрализованный парад победителей состоялся через пять дней. 16 января 1919 петлюровское «государство» в самонадеянном ослеплении объявило войну Советской России. Это его и погубило, ибо щита Брестского мира для «самостийной» Украины не существовало более. Несметная сила петлюровцев, о которой рассказывалось в «Белой гвардии», вдруг куда-то подевалась.

Выяснилось, что советский посол-чекист Х. Раковский сидел в Киеве не зря, ловко обманывая немцев и вооружая «народные массы», костяком которых были присланные из Москвы чекистские группы отлично обученных и оснащенных террористов и подрывников. Корнет Мейер вспоминал: «Без особого сопротивления большевики в течение января и февраля 1919 года заняли всю Украину. В феврале украинцы Петлюры без сопротивления сдали большевикам Киев». Красная Армия и украинские «партизанские» части, развернув давно готовившееся наступление, разбили близ Киева неразумных петлюровцев (их паническое бегство и «прощальные» кровавые расправы описаны Булгаковым в отрывках «В ночь на 3-е число» и «Конец Петлюры») и вошли 5 февраля 1919 в город. В эти считанные месяцы и протекает действие романа «Белая гвардия».

За строками сухой исторической справки — трагические судьбы множества людей, традиционно преданных политиками и генералами. Жертвами очередной исторической сделки стали тысячи офицеров бывшей царской армии, юнкеров и кадетов, вступившие в боевые дружины гимназисты, бойскауты и студенты и те представители русской интеллигенции, которые жили или волею судьбы очутились тогда в Киеве и в силу свойственного им естественного чувства долга и чести поддержали опереточного гетмана, видя в нем наследника, пусть лукавого и недостойного, рухнувшей монархии, российской имперской государственности. Еще один самообман... Правда, командир добровольцев генерал Ф. Келлер призывал их терпеть Скоропадского до взятия Москвы, где офицеры, обозленные идиотической «украинизацией», собирались повесить вельможного политика на первой попавшейся перекладине. Союз был странный и шаткий. А выдающегося кавалерийского командира Келлера и двух его адъютантов петлюровцы вскоре убили прямо у памятника Богдану Хмельницкому.

«В Киеве Скоропадский, поддерживаемый офицерскими отрядами, — офицеры сами не знали, для чего они его поддерживали», — недоумевал Шкловский, всячески способствовавший тогдашнему развалу. Он открыто потешался над романтизмом и доверчивостью офицеров и юнкеров, но им-то было не до смеха. Многим историческая слепота и наивность стоили жизни. И гибла в основном молодежь, мальчишки в погонах вроде Николки Турбина. Так был убит под Святошином сын известного политика и мемуариста В. Шульгина. Об этих простодушных, всеми обманутых молодых людях и повествует роман «Белая гвардия».

Но если бы автор просто описал тогдашние исторические события и сделал своих героев их участниками, то у него получилась бы часто встречающаяся в литературе 1920-х романная хроника. Булгаков избрал иной путь.

Тысячелетняя история российского государства дана в «Белой гвардии» широко и смело, в своем трагическом развитии — от древнего Херсонеса-Корсуни (места крещения киевского князя Владимира), Запорожской Сечи, героического гетмана Богдана Хмельницкого (памятник которому в Киеве воздвигла «единая неделимая Россия») и коварного Мазепы, Петра I, Пугачева, Александра I до Октябрьской революции, немецкой оккупации, Петлюры и надвигающихся всемогущих большевиков. Столь же неслучайно упоминание романтического императора-неудачника Павла I, чья таинственная тень появляется в «Ханском огне» и «Беге». Есть в книге и пророческий сон Алексея

Турбина о Перекопе, предваряющий пьесу «Бег». Сны, трагические предсказания и лирические мечтания как бы открывают дверь в тревожное, непонятное будущее, раздвигая пространство романа.

И в то же время видно, что автор романа подобно Толстому тщательно подбирает подробности и источники, пользуется библиотеками, историческими сочинениями и воспоминаниями очевидцев, собственными записями и впечатлениями и даже изучает полевые карты мест сражений. К тому же он не ограничивается историей.

Мы как-то забываем, что в романе с тревогой и пророчески говорится о «страшном и суетном электрическом будущем человечества», о гигантских машинах, своими «отчаянными колесами» до корня расшатывающих самое основание земли. А чтение «вечной книги» рождает новое прозрение: «Ум его становился как сверкающий меч, углубляющийся в тьму... Он видел синюю, бездонную мглу веков, коридор тысячелетий». Взгляд в будущее мира и России, сочетающийся с трагической мощью древних образов Апокалипсиса, придает книге особую глубину и эпическую силу. А лиризм авторских отступлений избавляет «Белую гвардию» от «рваного» хроникально-документального монтажа, скороговорки и газетных приемов.

Роман посвящен не только интеллигенции и истории, но и судьбе великой культуры, хранительницей которой становится интеллигенция в эпоху перелома. В «Белой гвардии» мы постоянно встречаемся с русской литературой, там есть зачины древних летописей, имена Толстого и Пушкина, цитируются Достоевский, Бунин, Мережковский, философ С. Булгаков. Звучит на страницах романа и музыка великих композиторов. Недаром книгу иногда сравнивают с оперой. И все это делается для того, чтобы показать исторические, культурные корни семьи Турбиных и причины изменивших их судьбу великих революционных событий.

В основе романа Булгакова — вечная тема исторической слепоты и долгого трудного прозрения, столь волновавшая писателя и встречающаяся у него так часто — от пьес «Бег» и «Багровый остров» до романа «Мастер и Маргарита». Недаром будущий автор «Белой гвардии» в 1919 назвал себя и своих героев «представителями неудачливого поколения». Жестокие слова, но в них столь нужная зрячая правда, которую надо выдержать и принять. Не случайно звучит в книге скорбная песнь слепых лирников о близящемся Страшном суде. Эти нищие видели дальше и больше зрячих.

Ведь умные культурные Турбины посреди разгорающейся гражданской войны живут идеалами и иллюзиями прежних светлых лет и не понимают, что творится с ними и вокруг них в новую эпоху перелома. Мир их ограничен Киевом и прошлым. Настоящее же и будущее темно и страшно. Они даже не знают, что реально происходит на Украине и за ее пределами, наивно верят всем слухам и обещаниям, верят газетам, гетману, немцам, союзникам, петлюровцам, Деникину. Народ, крестьяне для Турбиных — сила таинственная и враждебная, внезапно возникшая на живой шахматной доске истории. И потому для них все неожиданно, все «вдруг», и «от судеб защиты нет» (Пушкин).

Конечно, Турбины сердцем чувствуют, что наступают последние, страшные времена. Молодежь, некогда жившую в мире и покое и вдруг оставшуюся без опоры, охватила тоска, тревога, отчаяние: «Просентиментальничали свою жизнь. Довольно». Мир и покой ушли навсегда. Ужас рождало крушение всех старых идеалов и ценностей.

Позднее Булгаков с полным основанием утверждал, что первый его роман написан в традиции «Войны и мира». Да, в «Белой гвардии» есть и Бородино, и Александр I, и трагическая неразбериха войны, и сравнение последнего неудачного боя юнкеров с Бородинским сражением (ведь Киев пал, как и Москва), и похожий на Тушина безымянный героический штабс-капитан при четырех молчащих пушках, и свой гордый Андрей Болконский (одиноким героем Най-Турс), и трогательный в своем юном простодушии Петя Ростов (Николка), и русская семья, попавшая вместе со всем народом в водоворот истории и своей судьбой заставившая читателей еще раз задуматься о смысле великих потрясений в жизни страны, народа, интеллигенции. Да, это «мысль народная»

Толстого, но Булгаков находит ее не только в «Войне и мире», но и там, где мысль эта впервые определилась, — в «Капитанской дочке» Пушкина.

Не случайно в книжном шкафу семьи Турбиных, описанном на первых страницах «Белой гвардии», эти романы Пушкина и Толстого стоят рядом как пророческое напоминание о том, что русская история еще не кончилась и что грядут новые перемены, мятежи и трагедии: «Восемнадцатый год летит к концу и день ото дня глядит все грознее и щетинистей. Упадут стены, улетит встревоженный сокол с белой рукавицы, а «Капитанскую дочку» сожгут в печи». Пушкинский роман становится здесь одним из символов уходящего культурного уклада, который гибнет в огне революции и гражданской войны.

Образ снежной бури, вдруг обрушившейся в степи на беспечных путников, встречается уже в первом эпитафе «Белой гвардии», взятом из повести Пушкина «Капитанская дочка». Но не музыка извечного русского хаоса звучит в «Капитанской дочке» и «Белой гвардии». Эти книги соединяет симфония русской истории, где живут рядом, переходят друг в друга мрак и свет, трагизм и надежда. Поэтому книга Пушкина не раз упоминается в романе Булгакова, выбор ее не случаен, а эпитафа значим, задает тон.

Самим выбором эпитафа автор подчеркнул, что речь в его первом романе идет о людях, вначале трагически заблудившихся в железном буране революции и все же нашедших наконец в ней свое место и дорогу. Этим же эпитафом писатель указал и на свою непрерывающуюся связь с классической традицией, и прежде всего с историзмом Пушкина, с «Капитанской дочкой», замечательным размышлением великого национального поэта о русской истории и русском народе, частью которого были Пугачев, Гринев, Савельич, капитан Миронов и его дочка, императрица Екатерина и сам Пушкин. Ибо пушкинское понимание отечественной истории полнее всего проявилось именно в этой последней книге, где верность художественной правде делает трагическую и величественную картину народного восстания живее и выше любого исторического исследования.

«Капитанская дочка» и «Белая гвардия» написаны на одну тему — о гражданской войне в России, и эта тема дает необходимую высоту взгляду автора на исторические события. Ибо пламя такого великого события, как гражданская война (каковой и было пугачевское восстание), освещает и разъясняет жизнь прежнюю, ее людей и новую действительность, впечатляющее столкновение различных социальных сил, непонятно жестокое движение истории, отчаяние и озлобление в очередной раз обманутых народных масс.

Романы Пушкина и Булгакова написаны как развернутые художественные комментарии к знаменитой пушкинской строке: «Чему, чему свидетели мы были!» В «Капитанской дочке» простодушные провинциальные дворяне Петруша Гринев и Маша Миронова вдруг попадают в центр исторических событий, на них падает багровый отсвет народной войны. Их встречи с крестьянским вождем Пугачевым и императрицей Екатериной II подтверждают, что от истории нигде не укрыться, надо либо быть со своим народом в роковые минуты великих потрясений, либо идти против него. То же происходит и в «Белой гвардии», где милая, тихая, вполне ординарная семья Турбиных вдруг становится причастна к великим событиям, преобразившим облик России, делается свидетельницей и участницей дел страшных и удивительных.

Подобно «Капитанской дочке» «Белая гвардия» — не только исторический роман, где гражданская война увидена ее свидетелем и участником с определенной дистанции и высоты, но и своеобразный «роман воспитания», где, говоря словами Л. Толстого, мысль семейная соединяется с мыслью народной. Ведь эпитафом к «Капитанской дочке» Пушкин выбрал народную пословицу: «Береги честь смолоду».

Эта спокойная житейская мудрость понятна и близка Булгакову и молодой семье Турбиных. Роман «Белая гвардия» подтверждает правоту пословицы, ибо Турбины

погибли бы, если бы не берегли честь смолоду. А их понятие чести и долга основывалось на любви к России.

Конечно, судьба военврача Булгакова, непосредственного участника событий, иная, нежели у Пушкина, он очень близок к событиям гражданской войны, потрясен ими, ибо потерял и никогда больше не видел обоих братьев, многих друзей, сам был тяжело контужен, пережил смерть матери, голод и нищету, однако «Капитанская дочка» помогает автору «Белой гвардии» «держаться дистанцию», быть объективным, учит его пушкинскому историзму, правильному взгляду на недавнее прошлое.

Роман густо заселен персонажами и насыщен событиями. Иногда эту особенность авторского замысла не понимали и самые внимательные современники, привыкшие к традиционным «семейным хроникам». Прочитав в 1928 парижское издание «Белой гвардии» (оно вышло под названием «Дни Турбиных»), замечательный русский художник Константин Сомов говорил: «Очень талантливо... Есть прекрасно написанные волнующие сцены: смерть Най-Турса, бегство Николки... Но много и недостатков... Турбиных в романе, чем дальше идешь, тем меньше встречаешь, и много эпизодических сцен и лиц, не идущих к теме и делающих книгу растянутой...» Но ведь «Белая гвардия» не только роман о Турбиных, равно как «Капитанская дочка» не просто история Гринева и Маши Мироновой. Наверяд ли стоит видеть в этих книгах только «семейную хронику». Так что ничего лишнего здесь нет.

Крушение старого мира в «Белой гвардии» не означало гибели России, ее народа, ее великой культуры. Сумели выжить и выбрать свой путь Турбины, не погибла и «Капитанская дочка» из их библиотеки, предсказавшая трудную, обыденную судьбу русской интеллигентной семьи, ощутившей себя частью своего народа и отправившейся вместе с ним в дальнейшее «хождение по мукам». Да и сама страна оказалась не такой уж пропащей. Здесь достаточно вспомнить двух часовых: романтического юнкера, даже после крушения монархии и гибели последнего царя чертившего штыком на снегу императорский вензель, и солдата-большевика у красного бронепоезда. Первый автору понятен и в простодушной ослепленности, второй удивляет непостижимой цельностью и стойкостью, спокойной жестокостью по отношению к себе и к другим. Ясно, кто победит, но победа «красных» автора явно не радует. Потом Булгаков скажет в «Мастере и Маргарите», что в таких битвах одинаково проигрывают обе стороны.

Народ, крестьяне, восставшие против жестоких педантичных немцев, в романе есть (вспомним хотя бы смелую и лукавую красавицу-крестьянку Явдоху, с угрозой говорящую о немецкой оккупации, и полное глубокого исторического смысла описание «мужичонкова гнева» в пятой главе, показывающее слепоту и жестокость народного бунта). Но это взгляд со стороны, отмечающий, прежде всего, недостатки, различия, взаимное непонимание и недоверие.

Булгаков русских мужиков узнал хорошо уже в смоленской деревенской глуши (см. рассказ «Звездная снь») и во фронтовых госпиталях первой мировой войны, и понравилось ему в них не все. Гражданская война добавила черных красок.

И не случайно появляется в «Белой гвардии» имя Достоевского, цитируется его знаменитый роман «Бесы»: «Русскому человеку честь — одно только лишнее бремя». Страшные, отчаянные слова, и сначала неясно, какое значение придает им автор.

Поэтому напомним, что в статье о Юрии Слезкине «Бесы» названы «злобным гениальным пасквилом». А вот воспоминания семьи: «Достоевского Булгаковы не любили. Не отрицая его гений, они считали, что он искажил черты русского человека...» Имя великого писателя повторяется в «Белой гвардии» еще раз, и именно когда речь заходит о русском человеке. Разъяренный поручик Мышлаевский, говоря о ненавидящих офицеров крестьянах, называет их «мужичками-богоносцами достоевскими». В словах этих — отклик на либеральную болтологию предреволюционных лет о народе, о таинственной богобоязненной душе русского мужика. Но сердитая реплика Мышлаевского — не дарованная персонажу авторская мысль, слова эти больше похожи на цитату.

Они, как нам представляется, сказаны впервые в книге С. Булгакова «На пиру богов»: «А вот Достоевский — тот был, действительно, роковой для России человек. Нам до сих пор еще приходится продираться через туман, напущенный Достоевским, это он богоносца-то сочинил... А теперь вдруг оказывается, что для этого народа ничего нет святого, кроме брюха». Михаил Булгаков задумался над этой тяжелой и отчаянной мыслью, видел в ней и реальную правду, но не согласился с ней, ибо народ русский состоял не из одного Федьки Каторжного из «Бесов» и блоковских красногвардейцев.

«Белая гвардия», как и «Братья Карамазовы», свидетельствует: у нравственного распада есть границы, у человека имеются устои, принципы, вера и честь, сохраняющие русскую душу и в кровавом хаосе усабицы. И позднее, в очерке «Емельян Иванович Пугачев» (1936), автор «Белой гвардии» отдает русскому мужику должное: «Крестьянин был бессилён, но в сознании его мысль о том, что он не бесправный раб в государстве, а подданный этого государства, жила вечно и ничто не в состоянии было эту мысль вытравить».

И все же «Белую гвардию» нельзя назвать «народной» книгой, это роман, написанный интеллигентом об исторических судьбах и исканиях интеллигенции в эпоху революции и гражданской войны, то есть во время всеобщего трагического раскола. Герои Булгакова лишь к концу книги начинают понимать, для кого они хранят сокровища духовной культуры. А знаменитую речь о прозрении («Народ не с нами. Он против нас. Значит, кончено!») Алексей Турбин произносит только в пьесе, написанной по канве романа.

Смысл же «Капитанской дочки» гораздо глубже и сложнее, в основе пушкинской повести — «мысль народная», то есть опирающееся на исторический опыт размышление о притяжениях и отталкиваниях, которые соединяют отдельных людей, семьи, целые сословия и классы в народ. Способствует этому и гражданская война. Разобщая, она и объединяет, разрушает старую иерархию, сословные предрассудки и рамки. Пушкин показал исторический смысл русского бунта и усабицы, хотя и назвал их бессмысленными и беспощадными.

Смысл и назначение «Белой гвардии» иные, это лирический роман-исповедь о русской истории, который, по верному слову автора, выявил «те тайные изгибы, по которым бежит и прячется душа человеческая». Страдающая и недоумевающая душа поколения живет в этой книге.

Булгакову во время работы над «Белой гвардией» довелось взглянуть на целую эпоху в своей биографии и жизни страны как на прошлое, историю. Это был взгляд изнутри и в то же время как бы со стороны, уже отделяющий преходящее от вечного и в то же время равнодушный. Так же видел автор и сам текст романа. Пришла необходимая ясность творческой мысли.

Очень важна дистанция во времени и в развитии булгаковского дарования. За эти годы разительно изменилась высота авторского взгляда. В «Белой гвардии» и после вычеркиваний осталось немало автобиографического, но это уже исторический роман.

К тому же здесь точно намечены темы и персонажи будущих произведений Булгакова, впервые появляются Иешуа и связанный с ним образ света, город Ершалаим, поэт Иванушка Русаков-Бездомный, которым предстоит перейти в роман «Мастер и Маргарита», очень интересно начата тема «Бега». Здесь возникает столь дорогое писателю слово «покой». И, наконец, из этой этапной книги выросли знаменитые булгаковские пьесы — «Дни Турбиных», возродившие МХАТ и ставшие эпохой в истории нашей драматургии и театра, и «трагическая буффонада» «Зойкина квартира», где есть грустная тема все потерявших «бывших людей».

Понятно, Булгаков, повествуя о событиях исторических и в то же время недавних, определивших и его собственную судьбу, участь близких ему людей, предельно далек от ледяного бесстрастия поседелого в государственных делах дьяка из пушкинского «Бориса Годунова», который

Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Нет, книга о Турбиных очень личная, лирическая, она полна жалости, гнева, веры, надежды и любви. Характерно, что книга эта оборвана на тревожном вопросе, открыта навстречу неведомому будущему: «А зачем оно было? Никто не скажет. Заплатит кто-нибудь за кровь? Нет. Никто».

А ведь автор, согласно воспоминаниям современников, намеревался создать целую романную трилогию, отвечающую на этот вопрос. Потому и говорил о любимой книге сурово: «Свой роман считаю неудавшимся, хотя выделяю из своих других вещей, т.к. к замыслу относился очень серьезно». И то, что мы сейчас именуем «Белой гвардией», задумывалось как первая часть трилогии. «Действие второй части должно происходить на Дону, а в третьей части Мышлаевский окажется в рядах Красной Армии». Следы этого замысла есть в тексте «Белой гвардии» и в рассказах-«спутниках».

Но Булгаков такую панорамно-хроникальную книгу писать не стал, предоставив это «трудовому графу» А.Н. Толстому («Хождение по мукам»). И тема «бега», эмиграции в «Белой гвардии» только намечена в истории отъезда Тальберга в Берлин. Исторический роман Булгакова завершился элегическим аккордом, а это роднит книгу и выросшую из нее пьесу «Дни Турбиных» с чеховской трагической элегией «Вишневый сад», с ее характерным «открытым финалом».

Блистательная, легкая художественность «Белой гвардии» далека от тяжеловесной торжественности орнаментальной исторической прозы; помимо полета зрелой и зоркой мысли писателя роман его полон живой мечтой, искренним и сильным чувством, безбоязненным взглядом в будущее и удивительным духовным единением автора со своими персонажами.

«Героев своих надо любить; если этого не будет, не советую никому братья за перо — вы получите крупнейшие неприятности, так и знайте», — сказано в «Театральном романе», и это главный закон творчества Булгакова. Он заговорил о белых офицерах и интеллигенции как о симпатичных обыкновенных людях, изобразил в книге их молодой мир души, обаяние, ум и силу. Как с удивлением писал в дневнике студент 1930-х, побывавший на спектакле «Дни Турбиных», «враги показаны живыми людьми». Вот основа для нового национального единения.

Этой гуманистической идеей проникнуто все творчество Михаила Булгакова. Везде он отстаивает единение и борется с разложением и разбродом. «Белая гвардия» — книга о молодости, попавшей в огонь истории и выстоявшей. Ибо, как говорил переживший все это автор, «жизнь нельзя остановить». В его книге трагизм не ведет к безысходности. «В постройке наше спасение, наш выход, успех», — писал Булгаков. А в очерке «Киев-город» пророчески сказано: «Но трепет новой жизни я слышу. Его отстроят, опять закипят его улицы, и станет над рекой, которую Гоголь любил, опять царственный город».

Вера в жизнь, ее победительную силу есть в «Белой гвардии». Потому-то эта книга, на десятилетия исчезнув из круга чтения, появилась вовремя, во всем богатстве и блеске булгаковского живого слова, ничто в ней не ушло, не потускнело. Так что прав был писатель-киевлянин Виктор Некрасов, прочитавший в 1960-е «Белую гвардию»: «Ничто, оказывается, не померкло, ничто не устарело. Как будто и не было этих сорока лет... на наших глазах произошло явное чудо, в литературе случающееся очень редко и далеко не со всеми, — произошло второе рождение». А может, книга эта и не умирала... Турбины, следуя завету Пушкина, сумели сберечь честь смолodu и потому выстояли, многое потеряв и дорого заплатив за ошибки и наивность. Прозрение, пусть позднее, все же пришло. Жизнь продолжалась.